

Алла Гудзенко

Мамам не рассказывают

Хочется эпично. С былинным размахом.

Крепкой, как рапа, бабелевской строкой.

Про людей Бени Крика в девятнадцатом году.

Про: Ты чепуха, сказал Фроим.

Про: Хозяин, кого ты бьешь? Ты бьешь орлов, хозяин.

С кем ты останешься, хозяин? со смитьём?

А перед глазами памяти: трубки ковров в пенале комнаты на одно окно.

Мальчик десяти лет, что сам варит борщ себе в пустой квартире.

Мотки сутажа для шмуклеровских пуговиц, что прячут в ракушняковом подвале.

Что это, что?

Статья о хищениях социалистической собственности.

И под ней ходят все эти пережившие автора бабелевские персонажи из Одессы.

Они давно не налетчики. Они торговые. Они строительные.

Они цеховые. Они хотят свободных денег и понимают, где их взять без гоп-стопа. Они умеют развернуть дело.

Но закон давил на них, как атмосферный столб.

И предусматривал – конфискацию (поэтому ковры и золото хранили у тещи).

Или расстрел.

Поэтому, похерив паспорт, люди подавались в республики поужней. И там себе немножечко шили. Пошивали.

Тихонько крутили дела под носом у могучих органов. Боялись.

Но умище-то куда девать?

Жены ездили на свидания. Дети варили себе сами борщи. Мамы страдали.

– Боже мой! Как я хочу тебя видеть уже на рабочем месте! Ну скажи, когда, когда ты возьмешься за ум?

Мамам не рассказывают про опасное. Мамам не рассказывают, как возят сотни тысяч живых денег в сумке на плече в плац-карте – автобусе – трамвае – самолете. Мамам не рассказывают. И ее мальчик для мамы – это ее мальчик. Ну что он понимает?

Мы гуляем день рождения в приличном доме. С видом на Аркадию, за столом в многометровой гостиной. Мы немножечко на разных политических платформах. Но за столом мы не говорим об этом.

Мы знаем друг друга так давно...

Если оторвать от себя кого-то – станет меньше меня. Моей жизни, моей памяти. Нам есть о чем говорить за столом, душевным одесским столом.

– Это я делала фаршированные перцы. А шубу – Лена.

– А вот горбуша, рыба моего детства. Это ж вы все в Одессе родились. А мы с горбушей – камчатские.

– А сейчас пьем за Диму. Это он, не побоимся этого слова, сделал из меня мужчину, впервые поставив на лыжи в Карпатах.

– А как вы потащили нас в горы в Крыму? Я даже не думал, что с рюкзаком может быть такой кайф. Когда ты его снимаешь...

Здесь всегда кто-то есть, тот, кто держит фасон.

Двое, годами за шестьдесят, появляются на пятом часу застолья. Деловые, из раньшего времени. Все сидящие за столом младше их на поколения.

Но сколько в этих побратимах от бизнеса жизни – всем нам дай бог!

Крепкие, жовиальные.

Как они исполняют! Это парный конферанс, отточенный годами дружбы и совместных дел.

Они и сейчас не без дела.

У них дома, в Одессе и в заграницах, у них семьи – по две-три на каждого. В каждой семье – любимые дети, заботливые жены. За каждым история. Какая история за каждым!

Хочется эпично. Но на одесских деловых не досталось Бабеля. Лишь обрывки застольных монологов.

– И я попросил Славика, чтобы он представился маме моим начальником. Мама всегда мечтала, чтоб у меня было рабочее место. Чтоб я ходил на службу. Ну, мы приехали. Маме уже 84 было тогда. Славик в костюме такой, в галстук. Я, говорит, начальник вашего Валеры.

...А Валера к тому времени шестнадцать лет жил в Узбекистане без паспорта. Его предприимчивость в Одессе не нашла должного отклика в сердцах законной власти, зато прибавила популярности – портретами героя были украшены райотделы.

– А мы на вашем примере учили стажеров розыску, – с трогательной откровенностью поведал фигуранту текущий на тот момент начальник. Текущий на момент Валериного возвращения в Одессу, когда стало можно быть предприимчивым, когда стало можно, наконец, показаться маме. Перед визитом домой «родному» райотделу был жалован ящик водки.

– И что, у Валеры есть рабочее место? – допытывалась взволнованная мама.

– Конечно, – отвечал Славик, молодой (тогда) оборотливый менеджер, которому в начале карьеры выпало счастье. Умение делать деньги он снимал с рук у настоящего мастера.

– У него есть свой стол, он вовремя приходит всегда, и вообще – на хорошем счету, – рапортовал он матери человека, инициативой которого пролегли километры стезев на мануфактуре производства подпольных швеек.

– Ну слава богу! Взятся за ум наконец! – довольно улыбалась мама. – Вы поостроже с ним, хорошо?

А мальчик, что сам варил себе борщ в десять лет, – вырос. Он вырос как раз в то время, когда делового его отца выпустили.

По коньячному этому одесскому делу не всем так повезло. Главных рационализаторов коньячного производства утилизировали.

Исполнителей позакрывали, во избежание передачи опыта неокрепшим умам.

Но гены, что называется, пальцем не раздавишь.

Едва забрезжило – «можно», отслуживший на северах мальчик стал заниматься делами. Под руководством опытных старших товарищей.

Возил сотни тысяч в торбынке по городам и весям. Талантливо исполнял.

С огоньком проводил (разводил) переговоры. Разворачивал полезные себе и людям производства.

– Как тут мой мальчик? – появилась как-то перед его патроном Раушенбахом мама. Отъездившая десять лет на свидания, поднявшая сама двух детей. – Я вас очень прошу: он у меня такой наивный. Такой доверчивый. Он же всем доверяет! Его же любой может обмануть!

Мальчик, слывший в фирме успешным переговорщиком, был страшно зол на маму.

Но ведь мамам не рассказывают про опасное...

– Славик! – звонит после именин хозяину дома давнишняя знакомая. – Представь моего сына своим гостям. Просто чтобы он знал – какие люди бывают. Чтоб понимал, как надо общаться.

– Что сказать?

– Ну скажи, что мальчик из приличной одесской семьи.

